

Историки архитектуры не пришли к единому мнению о процессах, которые происходили в архитектуре в 20–30-х годах XX века. Особенный интерес представляет генезис такого явления мировой культуры, как ар-деко.

Ключевые слова: авангард; ар-деко; эклектика; различия и сходства разнохарактерных течений в архитектуре 20–30-х годов XX века. /

Historians of architecture have not arrived at a common view on the processes occurring in architecture in the 1920–1930s. The genesis of such a phenomenon of the world architecture as Art Deco is of special interest.

Keywords: avant-garde; Art Deco; eclecticism; differences and similarities of diverse streams in architecture of the 1920–1930s.

Авангард, ар-деко, эклектика

Дискуссионный клуб ПБ /

подготовка текста
Елена Багина
Петр Капустин /
text prepared by
Elena Bagina
Petr Kapustin

В режиме он-лайн прошло обсуждение проблем истории архитектуры XX века. В обсуждении участвовали: кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина Елена Багина; архитектор и исследователь Андрей Бархин; архитектор, профессор МАРХИ Михаил Белов; кандидат искусствоведения, доцент МАРХИ Анна Броневицкая; кандидат искусствоведения, историк архитектуры, градостроительства и дизайна, заместитель заведующего лабораторией градостроительных исследований МАРХИ Николай Васильев; архитектор и исследователь Петр Завадовский; кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования ВГТУ Петр Капустин; искусствовед, архитектурный критик, главный редактор веб-журнала «Эка. ru» Лариса Копылова; кандидат архитектуры, старший научный сотрудник Отдела истории архитектуры и градостроительства Новейшего времени НИИТИАГ Александра Селиванова; архитектор и исследователь Глеб Соколов; кандидат искусствоведения, доцент РГУ Илья Печёнкин; доктор наук, архитектор, историк Дмитрий Хмельницкий.

Петр Капустин Проблема отхода конструктивистов от конструктивизма (в данном случае – собирательное название) и «впадение» их в ар-деко (также собирательное) до сих пор не имеет однозначного решения. Непонятны ни мера добровольности в этом движении, ни его действительные причины; нет даже ответа на вопрос: архитектура и общество от этого события больше приобрели или потеряли? Известно несколько точек зрения на это событие, в том числе и диаметрально противоположных. Было бы интересно получить представление о том, как профессиональному цеху оно видится сегодня. Какой/какие из приведенных ниже вариантов ответа кажется/кажутся вам более правдоподобным?

Итак, переход от конструктивизма к ар-деко вызван:

1. Срывом напряжения от работы в жестких и аскетичных формальных рамках, определенной «усталостью» архитекторов идентифицировать себя с передовым отрядом прорыва, с революционным авангардом. Метафора «ночного холодильника» – внезапного нервного срыва строгой диеты.

2. Естественным обогащением формально-стилистического языка в связи с расширением осведомленности

архитекторов о событиях за рубежом (поездки, личные контакты, пресса и пр.), ознакомления с мировой архитектурой и/или повышением уровня образования. Метафора «включенного света»: зона поиска расширяется по мере возрастания освещенности профессионального пространства.

3. Давлением со стороны власти, предпочитавшей более консервативную стилистику и насильно заставившей перейти на нее. Метафора «эстетствующего диктатора».

4. Реакцией на неприятие языка авангарда широкой публикой, заказчиками, (а за пределами СССР – рынком), т. е. стремлением архитекторов «говорить понятно». Метафора «преодоления немоты».

5. Естественной эволюцией стилистики в связи с изменением материалов (пластмассы в дизайне и др.), технологий, конструкций, задач (в т. ч. и идеологических), т. е. плавное эволюционирование (через промежуточные стили, например, «постконструктивизм»). Метафора «возрастного роста».

6. Ничем не вызван, поскольку никакого перехода не было: все есть лишь разновидности одного и того же, а все формы, в т. ч. «конструктивистские», – не более чем стилизация. Метафора «мутного потока».

Возможны и другие варианты.

Разумеется, имеет место различие по странам и персоналиям; если оно представляется существенным, это также можно отметить.

Елена Багина Идеология конструктивизма – это одно, практика – другое. И временами не отличить конструктивизм, рационализм и пр. от ар-деко. Конструктивизм и ар-деко – разные диалекты одного языка.

Николай Васильев Я бы выделил два разных языка авангарда: один язык – конструктивистов (ОСА), другой – рационалистов (АСНОВА). Второй ближе к ар-деко (как и объемный супрематизм второй попытки: А. А. Лепорской, И. Г. Чашника, Н. М. Суетина).

ЕБ Языки авангарда можно сравнить с русским и белорусским языками. Если считать их двумя абсолютно разными языками, то вы правы. А изыски объемного супрематизма Лепорской и Чашника вполне укладываются в границы ар-деко.

ПК С позиции идеологом группировок, «школ» и даже индивидуальностей различить языки мы вряд ли сможем.

Avant-Garde, Art Deco, Eclecticism

PB Discussion Club

Слишком все рядом, слишком все быстро, плотно и... мутно по основаниям и принципам. Единства больше, чем корпоративных отличий. И единство, кажется, намного превосходит легитимное поле конструктивизма.

ЕБ Идеологемы группировок очень расплывчаты. Сами участники вряд ли четко понимали, что в них не в лозунгах, а в практике принципиально разного.

ПК Там шла борьба за заказы, за одобрение власти, а не по реальным основаниям или принципам. Слова у всех почти одни и те же.

ЕБ Я как-то внимательно рассматривала фотографии Моисея Яковлевича Гинзбурга. У него лицо талантливого и циничного плута. А насчет его слов – они были страстные, верноподданнические, но неоднозначные.

ПК Я тоже вглядывался в портреты персонажей эпохи. Потом долго приходил в себя и читал их высказывания, вчитывался в слова. Портреты гораздо разнообразнее.

НВ Вот чисто формальные подходы: экспрессионизм (рационализм + Мельников в СССР) – это совсем не одно и тоже с функционализмом/пуризмом/конструктивизмом. Да, конечно, много чего мешалось и перемешивалось, но у ар-деко была своя собственная формальная система, выросшая не из классики, а из одной из двух ветвей авангарда. Бинарное положение Хан-Магомедова о «суперстилях» мне кажется неверным. В какой-то степени гомологично этой ситуации развитие брутализма (1960–1970-е годы), а за ним и постмодернизма, если рассматривать их с точки зрения категории формы.

ПК Да, ситуация похожая. Представление Хан-Магомедова о суперстилях, разумеется, совсем безупречно, однако без бинарности (как минимум) не обойтись. Авангардисты в пылу «бури и натиска» заявляли, что стили – это ложь, что они умерли и пр. Авангардное сознание отрицало прошлое и жило в сильном напряжении негации. Такое долго не держится: жизнь берет свое, наступает откат, выпадение в конвенциональное состояние, в норму, какой бы она ни была... Т. е. работает метафора «пружины». Это всеобщее явление для XX века – где было первое, там же рядом и второе. Я бы сказал, ар-деко – не результат генезиса какой-то определенной ветви авангарда, противостоящей другим ветвям,

но вполне закономерное состояние регрессии каждой и всякой ветви авангарда.

ЕБ Модерн рубежа XIX – XX веков эволюционировал. Мне кажется, ар-деко – результат смешения различных ветвей авангарда и модерна. Ростки авангарда в модерне можно проследить так же, как и ростки ар-деко. Вторых больше.

ПК Да, но исследования формально-стилистического генезиса в обсуждаемой теме коварны. С одной стороны, обнаружение не столь уж большого радикализма в жестах авангардистов (как они бы сами того хотели), реконструкция линий преемственности и заимствования из решительно отвергаемого ими прошлого ведет к пересмотру и ранних, и последующих событий, сильно усложняя общую картину. Мы начинаем больше понимать и меньше идеологизировать прошлое. Но, с другой стороны, методы формального искусствоведения могут окончательно размыть все границы: оппозиции снимаются, все становится почти неразличимо, и мы оказываемся перед необходимостью выработки каких-то принципиально новых объяснительных концепций, новой «оптики». Наверное, мы сейчас и находимся на пути к новым моделям, ведь привычные, выстроенные пропагандистами авангарда и модернизма, перестают нас убеждать. А они отрицали всякую преемственность, они любили контрасты и новации «на чистом листе».

НВ То, что в СССР, якобы, не могло быть ар-деко – заявление странное; кому-то милей «постконструктивизм», но это из области поиска национальных отличий. В общемировом процессе региональные особенности были, но общими были их предпосылки и динамика: в 30-е – это общий поворот/крен к монументальности и «адаптации» формальных экспериментов, к более консервативным/массовым вкусам. Он не мог не произойти. Многие, увы, стали заложниками концепции «хорошего» конструктивизма, испорченного плохими... (подставить нужное течение, а то и фамилии).

Учитывать стоит и скорость изменения ситуации, когда мастер мог проработать одно и то же в трех разных «стилях» и, конечно, использовать наработанный опыт (так и школа сохранялась) в подходе к планам, тектонике, членениям, даже программе.

ЕБ В 30-е годы работали архитекторы, которые сформировались как профессионалы на рубеже XIX – XX веков. Они прошли школу проектирования «в стилях». Среди них было мало убежденных и последовательных авангардистов. Конструктивизм, рационализм, функционализм они воспринимали как возможные «стили». Еще в студенческие годы я слышала это от старых архитекторов.

ПК На мой взгляд, термин «постконструктивизм» был призван камуфлировать факт добровольного перерождения авангарда в ар-деко как всеобщее, массовое, фоновое состояние. Но ведь то же самое и на Западе: представление об ар-деко как о стиле частном и определенном, территориально и цивилизационно локализованном – идея понятная. Так проще считать. Но в таком представлении можно видеть не столько эстетическую чуткость или искусствоведческую строгость и избирательность, сколько нервную скоропалительность проведенного разграничения, желание побыстрее размежеваться с чем-то угрожающе похожим (нацистская Германия, фашистская Италия, сталинский СССР – список неполон!), то есть того же по сути самоуспокоения, что и в хан-магомедовском «постконструктивизме». В этой теме царит едва ли не произвол – как в дефинициях, разграничениях, так и в отождествлениях. Как правило – в угоду идеологическим, корпоративным и лично-бессознательным установкам. История и термина, и явления «ар-деко» еще открыта, хотя слово и затаскано.

ЕБ Не кажется ли вам, что мы излишне нападаем на Селима Омаровича Хан-Магомедова? Не стоит забывать, что он сформировал свои взгляды в 60-х годах, на волне хрущевской оттепели. В то время еще не хватало исторической перспективы для оценки событий 30–40-летней давности. Еще живы были участники событий. Они рассказывали далеко не все. Сильны были воспоминания о пережитых страхах сталинской эпохи. Фрондой была уже сама публикация «картинок».

Понятно и то, почему концепция «безвинно пострадавшего конструктивизма» все еще «живее всех живых». Хорошая была схема; увы, она себя исчерпала уже давно. Но новый взгляд на эпоху начала 30-х годов четко пока не сформулирован. И советский авангард, и сталинский ампи́р – порождение одного и того же строя. Можно, вероятно, говорить об амбивалентности этого явления.

ПК И можно, наконец, спокойно поставить его в мировой контекст, также амбивалентный. И столь же далекий от всех видов невинности, что и советский.

ЕБ Не только можно, но и нужно. Советская власть лишь усилила какие-то тенденции и нивелировала другие. Ар-деко в советской архитектуре присутствовал, возможно, даже более, чем то, что называют «чистым конструктивизмом», ибо был понятнее огромному количеству профессионалов, которые не писали ярких манифестов, а проектировали и строили, как умели. А ведь учились, в основном, проектированию «в стилях».

ПК «Современное движение», вкупе с конструктивизмами всех видов и присными, просто исчезает как статистическая погрешность (до эпохи массового жилищного строительства, разумеется). Уж если и был «суперстиль», то им была, есть (и будет, судя по всему) великая и тотальная эклектика. Это так фактически (а по Хан-Магомедову эклектика – просто недоразумение, какой-то интервал между сконструированными им односторонними идеализациями).

ЕБ Эклектика была, есть и будет массовой. Эта парадигма бессмертна. Схемы Хан-Магомедова – отражение господствующей идеологии постсталинской эпохи. Они насквозь пропитаны духом XX съезда.

Андрей Бархин Как мне кажется, ар-деко как определенная группа явлений 1910–30-х – просто про другое, нежели чистый авангард от Корбюзье до Леонидова. Ар-деко – про симметрию, монументальность, декоративность, игру с образами древнего искусства. Авангард в чистом своем виде – это совершенно иное явление, кстати, появившееся несколько позже либо параллельно ар-деко. Но авангард уже шел на смену ретро-стилям.

ЕБ А мне кажется, что процессы в архитектуре были аналогичны процессам в литературе, где авангард в лице «будетлян» – футуристов – Давида Бурлюка, Владимира Маяковского, Бенедикта Лившица, Велимира (Виктора) Хлебникова, Алексея Кручёных сосуществовал с самыми разными направлениями, в том числе и с литературными ретро-стилями. Нельзя сказать, что в архитектуре авангард шел на смену ретро-стилям; они сосуществовали мирно в городской среде и не очень мирно на страницах журналов и в залах, где проходили дискуссии.

ПК Журналы создали все «стили» XX века, лишь на их страницах живут линии демаркации и рафинированная чистота форм. Признаюсь, чем больше я погружаюсь в материал, тем меньше верю в существование чего-то «чистого» и беспримесного.

АБ В ар-деко, безусловно, все было намешано, но эта двойственность была чертой времени. А авангард, наоборот, стремился к выработке принципов, некой «правде». Я это обозначил в статье о работах Голосова 1930-х, она есть на archi.ru.

ПК «Шел на смену» – это одна из иллюзий, которыми полнится история. Ее создали ангажированные авторы, в т. ч. Хан-Магомедов. Не было смены как какого-то тотального тектонического сдвига; ар-деко благополучно существовал и доминировал едва ли не с 1910-х гг. (и уж точно – с 1920-х) до 1950-х годов. На его фоне и «современное движение» бледнеет. Он отнюдь не умер и сегодня, чего не скажешь о «современном движении». Я понимаю, вы сторонник концепции ар-деко как строго очерченного стилистического явления, у которого есть свой позитивный генезис и пр. Для меня же ар-деко не стиль, а сложное реакторное явление, где формальные нюансы становятся второстепенными.

НВ «Правда» как этическая категория архитектуры действительно присуща дискурсу авангарда, например, «правда» конструкции, но она ненамного «правдивей» конструкции деревянного здания в каменной дорике.

АБ Нет, я о некоей «правде» по отношению к своим принципам.

НВ Это каким? Корбюзье говорил одно, писал второе, а строил третье.

ПК К этой-то «правде» больше всего претензий. Больше уж она лжива.

Глеб Соболев Пришлось брать интервью у некоторых архитекторов, переживших переход к сталинскому ампи́ру, а потом к хрущевскому антидекоративизму. Это были те, кто учился у конструктивистов, а потом в Академии архитектуры. Переход к классике был инициирован сверху, но внедрялся через образование. Кому-то из конструктивистов стало «скучно», и они начали экспериментировать с деталями, используя конструктивистский язык больших форм. Авторитет Жолтовского как классика сыграл роль в привлечении студентов в Академию архитектуры. Были стажировки в тогда фашистскую Италию. Появилось много изданий с чертежами классических зданий. На уровне государства, начиная с конкурса на Дворец Советов, предпочтение отдается нео- и псевдоклассическим решениям. Довоенная архитектура очень разнообразна. Это был реванш традиционалистов после того, как их отодвинула революция.

ЕБ Распространенное мнение, что революция «отодвинула» традиционалистов – заблуждение. Достаточно вспомнить, сколько постов занимал И. В. Жолтовский сразу после революции после памятного похода к В. И. Ленину в 1918 году с письмом А. В. Луначарского, в каком фаворе был А. В. Щусев после отъезда Жолтовского в 1923 году в Италию.

Дмитрий Хмельницкий Все-таки не совсем так. Образование подгонялось под цензурные установки, но внедрялся переход к «классике» (точнее, к эклектике) чисто цензурными методами. В 1932 г. начался процесс переутверждения уже утвержденных ранее проектов, которые передекорировались под новые правила. Новые проекты проходили жесточайший стилистический контроль.

ГС Что вы называете цензурой? Как сказал Иконников, погонные километры колоннад, построенные в США в первой половине XX века, значительно превышают длину фасадов сталинского ампира. Если цензура – это желание Сталина, то откуда оно появилось? На чем оно было основано? Попытка уничтожить образ революции в виде упрощенной геометрии или разрушение связи старых большевиков и новых идеологов авангарда? Понимание искусства и архитектуры как монументальной пропаганды в духе проекта Ленина? Или влияние архитектуры предвоенного итальянского фашизма – фасады Госплана (Госдумы) на Охотном и муссолиниевский проект проспекта до колоннады Бернини в Риме? Думаю, нет одного ответа. И все перечисленные пункты влияли, а также то, где, кто, с кем пил, ходил в баню, в каких захваченных особняках устраивал оргии и допросы.

ДХ Цензура – это государственный контроль над стилистикой утверждавшихся проектов после запрета современной архитектуры весной 1932 г. В 1932–33 гг. в Москве этим занималась комиссия Моссовета под руководством Жолтовского и Щусева. Общий контроль над проведением архитектурной реформы был поручен Кагановичу. Работы всех ключевых конкурсов шли на просмотр Сталину. Все было просто. И все это достаточно исследовано.

НВ Главное – не резать архитектуру как колбасу на произвольной толщине дискретные кусочки, тем более в масштабе творческой жизни архитекторов.

Сиюминутные установки чередовались быстрее, чем шел процесс проектирования, согласования и стройки. Разговор о вкусах заказчика важный, но очень зыбкий: если брать СССР, то (в отличие от других видов искусства) в архитектуре почти никто из лиц, принимающих решения, не разбирался. Что такое соцреализм в архитектуре, какой проект можно считать выполненным в соответствии с установками соцреализма, а какой нет – и сами архитекторы не слишком понимали. Не очень-то мы и сегодня задним числом можем сказать: мол, если что-то хвалили – это точно соцреализм. (В музыке, очевидно, те же проблемы были – что с Шостаковичем, что с Хачатуряном).

ПК Соцреализм – это что-то в зоне обморока, а вот проще, по морфологии, какой вариант? Я правильно понял, что вам ближе второй? И плюс четвертый?

Про колбасу-то оно так, да вот беда: целиком никому в рот не лезет, так или иначе всякий раз режут – и как-то уж очень прихотливо. Оттого и захотелось с этими «нарезками» разобраться. И у меня нет своего однозначного ответа.

НВ Мой ответ: варианты 2; 5; 3 и 4 вместе. В том смысле, что 3 и 4 очень близки на самом деле.

ДХ По-моему, одна единственная очевидная причина – введение цензуры с полным запретом современной архитектуры. Пункт 3. Только называть раннесталинскую архитектуру «ар-деко» я бы не стал. Это совсем другое явление.

Пункты 2 и 5, по-моему, невозможно рассматривать ввиду «железного занавеса», обрыва международных связей и полного прекращения естественной художественной эволюции в СССР после 1932 г.

Пункт 4 абсурден изначально. У «широкой публики» в СССР не было в 30-е годы ни малейших возможностей влиять на архитектурные процессы. И вообще на любые культурные и социальные процессы в стране. Сталинский режим был обществом без обратных связей. Как раз к 1932 г. были ликвидированы все общественные организации в СССР, вплоть до обществ краеведов.

Пункт 1 не работает, поскольку об «усталости» от конструктивизма и речи не было. Наоборот, современная архитектура едва начала развиваться в СССР и не успела толком реализоваться в считанные 5–6 лет работы до запрета. На Западе от нее до сих пор никто не устал.

Пункт 6 – просто шутка.

ЕБ После 1932 года связи не совсем оборвались. Ведущим архитекторам были доступны западные журналы. Путевой дневник Андрея Бурова, который он вел в поездке по муссолиниевской Италии, относится к 1935–1936 годам. В 1937 году на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов присутствовал Фрэнк Ллойд Райт (об этом событии была статья Брайана А. Спенсера в № 54 ПБ).

ПК Вряд ли все так однозначно. Пункт 2 (метафора «включенного света») хорошо описывает произошедшее, например, с А. Буровым. И «занавес» ему не помешал. Буров очень тонко ухватил иронию ар-деко и легко ее воспроизводил.

Пункт 5 (эволюция стиля, или метафора «возрастного роста») мне тоже не очень нравится, но ведь это вполне законная точка зрения: не век же на штукатурке полносборное строительство изображать, чем занимались конструктивисты. И у всякого процесса есть своя естественная или квазиестественная динамика. Отчего в ней категорически отказывать и нашему герою?

Пункт 4 (язык, метафора «преодоления немоты») – не столь уж абсурден и близок пункту 1 («ночному холодильнику», или усталости стиля): разумеется, с рефлексией и самокритикой у модернистов всех стран были большие проблемы, но они же не были слепы и глухи, коммуникация и им нужна была. И вечный вопрос, на который у вас есть ответ: как объяснить аналогичные процессы на Западе, где и публика, и рынок?

Пункт 6 – не шутка. Тут не до шуток. В конструктивизме всех стран очень много стилизации, имитации, лжи – ничуть не меньше, чем в ар-деко или «освоении наследия».

ЕБ Само по себе «освоение наследия» ничему не противоречит. Можно считать, что в вилле Савой Корбюзье хорошо усвоил уроки классицизма.

ДХ Буров, по-моему, яркий пример механического приспособления к новым требованиям с отказом от прежних взглядов. Он был на службе. Бруно Таут, наблюдавший процесс перевоспитания архитекторов в 1933 году в Москве, о нем отзывался с брезгливостью. Увидеть в сталинской стилистической реформе некую «эволюцию стиля», по-моему, совершенно невозможно. Мгновенный обрыв всех прежних профессиональных принципов и подчинение цензурному контролю – да. Никаких аналогичных процессов на Западе я не вижу. Наоборот, с 1932 г. советская архитектура полностью выпала из общемирового контекста.

У процессов, которые шли в советской архитектуре с начала 30-х годов (и даже раньше) была своя, вполне естественная динамика. Но эти процессы не имели ничего общего с художественной эволюцией. Они ее исключали. Это были процессы принудительного формирования государственного стиля цензурными методами. Кстати, страшно интересные.

ЕБ Брезгливый отзыв Бруно Таута еще ни о чем не говорит. Сам Бруно начинал со Стеклянного павильона Веркбунда 1914 года. Что это, как не ар-деко? Поселок «Хижина дяди Тома» (1926–1932 гг.) – тоже разновидность ар-деко.

ПК Да, яйцо «Стеклянного павильона» и торт «Монумента битвы народов» в Лейпциге (1913 г.) – это просто «зародыши» будущего стиля, все там уже есть. Бруно Таут – тот еще блюститель вкуса. И Кёльн-14 – не только здание Гропиуса. Анри Ван де Вельде выдает там свой театр вполне в духе ар-деко (что можно интерпретировать как эволюцию «северного» ар-нуво). Никакой смены не было, с самого начала шло параллельное существование. А переходы далеко не всегда распознавались в ходе этой многослойной стилизации-на-марше. Поэтому мне все тут приемлемы категорические суждения о разграничениях, этике, о непорочном и продажном, об окончательной истине, о чем-то осуществляющемся мгновенно и во всей полноте. Равно как и о том, что все уже изучено и понято.

ЕБ Если посмотреть внимательно, то и Иван Леонидов увлекался ар-деко, не говоря уж о Мельникове. И элегантные проекты, и постройки Андрея Булова тоже можно рассматривать как ар-деко.

Пункт шестой имеет полное право на существование. «Мутный поток» был полноводен...

Если говорить о перевоспитании советских архитекторов, то перевоспитывать можно того, кто уже воспитан. Воспитание во ВХУТЕМАСе, который был подобием Ноева ковчега, было весьма относительным и часто поверхностным. К. Н. Афанасьев говорил, что, окончив в 30-м году ВХУТЕИН, он мало что знал и умел. Пришлось идти на выучку к А. В. Щусеву.

ПК Мельников полностью там, в ар-деко, с восторгом и добровольно. О Леонидове (в Кисловодске) Дмитрий Хмельницкий, наверное, скажет, что его «заставил Сталин». Но в таком случае Сталин, стоящий со свечкой за спиной каждого архитектора, должен быть равен по таланту всем советским архитекторам разом, а заодно и приедем, быть неким Совершенным Художником (Б. Гройс, доводя эту метафору до предела, пришел к необходимости признать всю советскую действительность художественным произведением Сталина, но тут уже приходится игнорировать проблемы формы и стиля). Цензура также не даст вам форму и стиль: Ивана Леонидова не заставили приделывать ионик или профили тянуть. А. К. Булов – еще один пример документированного дневниками и пр. добровольного отхода от конструктивизма не от голода или дефицита средств (Булову и в 20-е хватало), а, скорее, в силу причастности к более широкому пласту профессиональной культуры, особенно после зарубежных поездок. Там он увидел, насколько этот геометрический мирок, в который так верили, узок и как к нему там реально относятся. Стали тесны «штанишки» Родченко, захотелось Торжественной Тогги... И вообще, по-человечески разговаривать.

ДХ В сборнике МАрХИ есть очень резкие воспоминания на этот счет. Хотя из тех, кто пережил сталинский идеологический террор в архитектуре, мало кто дождался времен, когда говорить можно было уже совершенно свободно. И за плечами у них к тому времени было 50 лет подчинения и страха. И постыдных капитуляций. А вот в том, что террор был и людей ломали самых грубым образом, сомневаться не приходится. Когда все без исключения архитекторы, в том числе и самые блестящие, внезапно деградируют и превращаются в примитивных эклектиков, а заодно и публикуют в прессе массажи холуйские статьи, – какие уж тут сомнения. Ведь хорошо известно, что произошло с теми, кто не смог приспособиться.

ПК Дмитрий, я знаю про то, что был террор. Но политический террор и процессы в формо- и стилеобразова-

нии, кроме вас, никто не отождествляет. Согласен, это очень интересно, но... не без пробелов, которые нечем заполнить. Ваша точка зрения ценна тем, что она есть; если бы ее не было, ее стоило бы изобрести. Но она мало что объясняет. Ведь Сталин в качестве суперменеджера, суперхудожника, супермыслителя, все видящий и управляющий формированием собственного стиля – это как-то слишком комплиментарно даже для его адептов. Да, Булов служил, но взять ли ему египетский или палладианский карниз – решал он сам. И вполне мог делать что-то «конструктивистское», и делал, как и другие, даже во время войны. Принцип ваш понятен, но если он и работает, то «рамочно». А что было еще, как самоопределялись авторы – это интересно. Интересно также, как понимают эти события сегодня наши коллеги.

ЕБ Схема очень жесткая, но жизнь – не схема.

Михаил Белов В период с 1974 по 1980 год я откровенно говорил со многими стариками, которых тогда еще застал. Я им был интересен, так как считался способным и тем, кто в состоянии оценить долгую ретроспективу их достижений. В то время нужно было стесняться периода до 1956 года, а они им про себя гордились. Ни один из них ничего плохого не говорил о смене стилей, только о начальстве и партийной дури. Их героями были Жолтовский как главный мэтр, художники Гольц, Булов, Оленев. Уважительно говорили о Власове, Щусеве, Парусникове и других, прежде всего, об их умении быть и начальниками, и мастерами. За неумение такого рода и спесь доставалось Мордвинову, Чечулину, Ловейко. Посохину-старшему доставалось за барствость, но осторожно: тогда он был главным архитектором Москвы. Уважали Павлова (и за период до 1956), Воскресенского и Душкина, которые уже были не у дел. Никогда ни слова плохого не слышал о периоде 1936–1955 гг. Жалели Соболева, у которого отняли премию за гостиницу Ленинградскую. По институту ходили конструктивисты Ламцов и Туркус, они были «Кринцы», и их не трогали. Но мне казалось, что практики относились к ним с некоторой иронией. Дедушку Бархина я, конечно, не застал, но М. Г. и Б. Г., думаю, рассказали мне все, что можно было. Никаких переживаний по поводу смены стилистики они не испытывали. Фамильными «Известиями» заслуженно гордились.

ПК Да, о том и речь. Не было переживаний, не было никаких виктимных комплексов. Книга М. Г. Бархина [1] – очень хороший пример экзистенциального анализа. И как раз через полвека.

МБ Отвечаю сам себе, ибо это кажется смешным. Я закончил делать свой личный неоклассический проект. Не то чтобы мне стало неинтересно. Просто я сделал все, что хотел. И сейчас делаю радикальный конструктивистский жест. С удовольствием и интересом. На уровне символического акта. Давно обдумывал, много лет. И вот случилась оказия. Очень рад, и тоже никаких проблем и переживаний не испытываю.

Петр Завадовский Так и конструктивисты свой конструктивизм проектировали «в стиле». Сначала – условного Гропиуса, потом Корбюзье. Несмотря на все свои рассуждения о «функциональном методе».

ДХ Это только подражатели. Вполне хватало и серьезных архитекторов.

МБ Ну, разумеется, «в стиле». И разве может быть иначе? Идет бесконечный процесс вытягивания себя из болота примитивного эпигонства в озерцо освобождения от прямого влияния, а оттуда в личный хрустальный бассейн обретенной индивидуальности, к плесканию в золотом тазу личного стиля... Если повезет... Но везение ли это? Счастливы ли владельцы хрустальных бассейнов и золотых тазов? Риску сказать, что в процессе плаванья или плескания – да. Так «плавали» Палладио,

Корбюзье, Моррис, Роберт Адам и некоторые другие непрямые счастливые. Если это цель жизненного положения, то и ладно: разомкнем хоровод общих предпочтений и поплывем каждый в свою сторону.

ПЗ Конструктивисты вовсе не стеснялись, а, возможно, и не слишком осознавали своего эпитонства и, следовательно, не стремились что-то «преодолеть». Корбюзье был воплощением «современного» как такового, заимствования буквально и без задней мысли. Кстати: чем менее конструктивисты были стилистически точны в своих подражаниях, тем менее интересны были их результаты (пресные Веснины). Собственную формальную концепцию им запрещал иметь «функциональный метод», а Корбюзье просто занял пустое место. И если у кого-то и были свои формальные размышления-пристрастия, тем менее восприимчивы они были к влиянию Корбюзье (И. Голосов в отличие от П. Голосова).

Александра Селиванова Я ответила бы так: все перечисленные пункты, кроме 1 и 6, имели место. В процессе было задействовано много архитекторов, и у каждой группы были свои причины и мотивы. Важна еще причина, связанная с трансформацией профессиональной среды, занятием ВОПРА лидирующих позиций и проведение через них дилетантских, внепрофессиональных вкусов партверхушки. Архитектурная дискуссия была заменена словесной эквилибристикой из слов «красота», «бодроть» и «человечность». Пункт в резолюции по итогам конкурса на Дом Советов про «освоение наследия», несомненно, сыграл роль, но не стоит его преувеличивать. У большинства оказались разные представления о том, что считать наследием. Так, для Фомина, Весниных, Гинзбурга, Леонидова к наследию относился и Корбюзье, и конструктивизм, и «полет стратостата», как они писали. Процесс я считаю органическим и созвучным общемировой тенденции на «упорядочивание» архитектуры (Franco Borsi, «Monumental Order») в 1929–1939 годах. Смена курса в действительности произошла не в 1932, а в 1937–38 годах и была уже напрямую связана с тем, как прошел Всесоюзный Съезд архитекторов, с декларированием метода соцреализма в архитектуре и с репрессиями в среде архитекторов (Лисагор, Охитович и многие другие).

Анна Броницкая Историзм/неоклассицизм совсем не прерывался, ручеек все время тек. Я не о мейнстриме, конечно. Но отдельные неоклассические проекты с самыми разными датами попадают.

Илья Печёнкин Это бесспорно. Более того, некоторые ВХУТЕМАСовцы по доброй воле пробовали себя в неоклассике у того же Жолтовского. М. Барщ вспоминает об этом. Хотя ему тогда и не понравилось.

Думаю, что второй вариант, несомненно, имел место. Вероятно, Жолтовский давал своим младшим коллегам понимание исторической глубины и культурной значимости профессии. Мне кажется, именно это было главным в его знаменитых «беседах», а вовсе не рассуждения о пропорциях или намеки на некое учение об органической архитектуре, на которых обычно фокусируют внимание практики, пытаясь даже сравнивать Ивана Владиславовича с Райтом. Жолтовский, разумеется, лояльнее Райта, и даже Гольц будет пошире его. Но верно и то, что Гольца не было бы без Жолтовского.

ПК Да, все точно. Буря и натиск, требующие дилетантизма и отрицания, сменялись осознанием профессии, причастности вековым традициям, а это и ответственность, и тяга к знанию. И внутренняя дисциплина, необходимая именно перед открытым разнообразием форм, в котором можно и утонуть. Властная воля имела место в запуске процесса, сомнений нет. Но сложность внутрипрофессиональных событий такова, что, возможно, на много порядков превышает принятые тогда механизмы руководства и его, руководства, способности все это осознать. Скорее уж вступила в действие иная властная

сила – сама Архитектура, пытаясь найти себе форму в этих экстремальных условиях.

ДХ Вы уверены, что «некоторые ВХУТЕМАСовцы по доброй воле пробовали себя в неоклассике у того же Жолтовского»?

ИП Посмотрите мемуары Барща.

ДХ В каком году писались эти мемуары?

ИП Вы правы, мемуары – самый кривой из возможных источников, но я не увидел там подобострастия к Жолтовскому: Барщ вполне откровенно пишет о том, почему пришел и почему ушел от него во ВХУТЕМАСовский период.

ДХ То, что пишет Барщ это, по-моему, вранье и лукавство: «Что происходило у нас в начале 1930-х годов? Мещанские требования красоты захлестнули советскую архитектуру. Конечно, это была в какой-то мере неудовлетворенность результатами строительства конструктивистского периода, связанная с отсутствием строительной индустрии и современных материалов, и отсюда плохим качеством сооружений. Поднялась волна мещанского, бессмысленного, кондитерского понимания архитектуры (как называл Жолтовский, «сусально-кондитерская архитектура»). Эту волну возглавили такие архитекторы, как Чечулин, в известной степени Щусев («Государство требует пышности»), а за ними огромная масса делателей «чего изволите». Да и обвинять их за это нельзя, так как другого выхода просто не было. Даже такие старые мастера, как Фомин, Щуко, обрадовавшись, что с них спали путы конструктивизма, разошлись востро. Стало страшно, что и нас может захлестнуть эта волна бездумности и пошлости. Таким образом, если не уходить совсем от архитектуры, как это сделали Гинзбург, Леонидов, в известной степени Веснины, многие из нас, поняв, что наше художественное образование совершенно недостаточно, что без настоящего, глубокого понимания законов искусства нельзя создавать и современного искусства, что без этого неминуемо скатишься в болото, решили пойти к Жолтовскому». Зундблат, Владимиров и Афанасьев публично отреклись от конструктивизма (ОСА, Гинзбург и т. д.) в апреле 1932 г., через две недели после объявления о смене государственного стиля (письмо, опубликованное Хан-Магомедовым). У Жолтовского они спасались.

ЕБ Кто спасался, а кто и искренне шел учиться к мастеру. Кстати, Жолтовский многих спас от репрессий.

Глеб Соболев Найдите книгу «Рождение метрополии» (Birth of Metropolis) [2], там много интересного. Я в интервью участвовал в качестве переводчика; они опубликованы не полностью. Было выражение «расчелюлить», т. е. сверхдекорировать здание без понимания его структуры.

ЕБ Мне рассказывал Афанасьев, что, когда Чечулин поступал во ВХУТЕМАС, его в свою мастерскую не взял Веснин. Тогда Чечулин пошел к Щусеву, который его взял, сказав, что «этот будет преданным». Впрочем, евангельские истории о преданности и предательстве известны.

ДХ Просмотрел мемуары Барща еще раз. Была бы отличная тема для студенческой (и не только) работы: текстологический анализ мемуаров Барща. Там удивительные вещи. Сплошные противоречия и нестыковки...

ЕБ Так и в жизни: сплошные противоречия и нестыковки. Люди меняют свои взгляды и поступают непоследовательно.

ПЗ Я считаю, что области формально-стилистического развития, политики, общественной жизни и литературно-теоретического творчества архитекторов в большой степени автономны. И попытки прямого объяснения одного другим редко бывают убедительны. Я не согласен с формулировкой пунктов и скажу по-своему.

1. Объективный кризис конструктивизма – теоретический и формально-стилистический тупик, а также неудовлетворительные результаты реального строительства. 2. Естественная формально-стилистическая эволюция (помимо ослабленных, но не мертвых течений неоклассики): внутри самого конструктивизма были тенденции к классицизации, которые укрепило и оформило подражание Корбюзье – крипто-неоклассика по своим корням и природе. 3. Смена мировой моды и желание как заказчика, так и архитектора ей соответствовать. Монументализация и классицизация были и остались мировым мейнстримом, просто авангардистские эксцессы к этому времени иссякли, и господство репрезентативной архитектуры стало казаться безальтернативным. 4. Поражение троцкизма и лозунг «построения социализма в одной стране» сам по себе неизбежно влек за собой увеличение значения репрезентативного фактора. Государство, которое решило существовать само по себе, а не как средство достижения чего-то большего и высшего, нуждалось в выражении своей «самости» – этим, в конечном счете, и определялась позиция госзаказчика, которая была по-своему совершенно понятной и адекватной. И далеко не такой резкой и радикальной, какой могла бы быть.

Анна Броновицкая Меня убеждает то, что говорит Александра Селиванова, она опирается на изучение архивов. Я бы все же сдвинула трансформацию немного назад. Предположим, смена курса оформилась в 1937–1938 годах, но началась она даже не с 1932, а с 1930-го, с борьбы с «леонидовщиной» и закрытия ВХУТЕИНа.

ДХ Получается плавный процесс трансформации (кстати, чего?) между 1930 и 1937–38 годами. Без резких переменов в промежутке... Немножко странно.

Анна Броновицкая Почему плавный? Сложный, многоплановый, многоступенчатый, несводимый к одной схеме.

ДХ Процесс сталинского реформирования архитектуры был вполне одноплановым. Хорошо датируемым, хотя и сложным, конечно. Но ключевые его фазы датируются очень четко. Введение стилизованной цензуры и полный запрет свободы творчества – 1932 г. Ликвидация свободы теоретизирования – 1929. 1937–38 – это момент, когда уже была отработана госстильстика и утверждены основные типологические образцы для подражания. Разбираться в деталях и нюансах страшно интересно, но схема одна. И никакому ар-деко, «включенности в мировые тренды» и творческим поискам в прямом смысле слова там, по-моему, места нет.

ПЗ Именно то, что, как пишет Барц, «некоторые обрадовались», и говорит о том, что перелом 32 года вовсе не был сменой «свободы» «насилием». Стилистические предпочтения заказчика или рынка всегда навязываются архитектору извне. И очень немногие способны плыть против течения. В этом отношении сегодняшняя практика принципиально не отличается от 20-х или 30-х годов. И неизвестно, лучше ли, в конечном итоге, иметь заказчиком авторитарное государство или помешанного на наживе криминального девелопера. Постановление 32 года было не «сменой гостилия», а временной отменой прежнего с объявлением конкурса на новый. Последовавший за этим период де-факто стилистического плюрализма служит тому подтверждением. «Конструктивисты спасались у Жолтовского», – буду медитировать над этим коаном.

ДХ Термин «стилистический плюрализм» предполагает свободу творчества. Если всем было приказано стать эклектиками и искать для начальства устраивающие его варианты эклектики в строго обозначенных границах, то это не «стилистический плюрализм», а нечто прямо ему противоположное.

ПЗ Термин «стилистический плюрализм» означает всего лишь наблюдаемое в реальности проектирование

и строительство одновременно в разных стилистических. Я, с одной стороны, слишком циничный и поживший человек, чтобы всерьез рассуждать о «свободе творчества». С другой стороны (и по той же причине), понимаю, что «приказывать стать» тем, чем не хочешь и не можешь быть – все равно, что приказывать рыбам летать. Иначе это делается, Дмитрий. Не приказывали – отбирали. Заказывали одним и оставляли без работы других. Точно так же, как это происходит сегодня.

ДХ Вы что-то сильно путаете. С весны 1932 года в СССР утверждались только проекты, изготовленные в эклектике. Современная архитектура находилась под запретом. Так что ни о каком «проектировании и строительстве одновременно в разных стилистических» и речи быть не могло. Вариантов разрешенных стилистических было поначалу достаточно много, но «стилистический плюрализм» это точно не называется. Хотя бы потому, что выбор этих вариантов не от архитекторов зависел. И стилизовать разрешалось отнюдь не все: например, под запретом была готика. Никого в СССР в это время без работы не оставляли, поскольку все архитекторы были служащими. Подчинялись начальству. Архитектура как свободная профессия в СССР не существовала примерно с 1930 г. полностью. И частные заказы (в отличие от нынешней ситуации) отсутствовали начисто. Тех, кто отказывался подчиняться приказам, увольняли. В тех условиях это означало изгнание из профессии и голод. Свобода творчества так же, как свобода слова и прочие гражданские свободы, не есть нечто воображаемое и абстрактное, а вполне жесткое юридическое понятие. Условие полноценной культурной жизни. В советской архитектуре сталинского времени она отсутствовала полностью.

Лариса Копылова Мне кажется, что конструктивизм был освоением космических пространств, прорывом в неведомое. А потом вернулись на Землю, обогащенные новым опытом. Нельзя же все время в космос сидеть. В конструктивизме есть неполнота, дополнительность. Он выразил появление нового космологического игрока – техники. Теперь игрок есть, но не один же. Как раз в ар-деко коллизии взаимодействия человека и техники очень интересны.

ПЗ Кстати, как раз в случае Леонидова эволюция в археологически-историческом направлении была, несомненно, ничем не вынужденным авторским выбором.

ПК Уважаемые коллеги, позвольте подвести некоторые итоги, сугубо формально.

Метафора «включенного света», т. е. повышения образовательного уровня и общей осведомленности архитекторов, вырывается вперед. За ней следуют варианты 4 и 3. И это, пожалуй, не только тенденция в СССР тех лет (уважаемые авторы на это прямо и указывают). Есть о чем поразмышлять. Мне расклад представлялся другим, и, кажется, не мне одному. Так что – да будет свет!

Литература

- 1 Бархин, М. Г. Метод работы зодчего: Из опыта советской архитектуры 1917–1957 гг. – Москва: Стройиздат, 1981. – 216 с.
- 2 Афанасьев, К. Н., Бархин, Б. Г., Латур, А. Рождение метрополии: Москва 1930–1955: Антология. – Москва: Искусство – XXI век, 2005. – 336 с.
- 3 Багина, Е. Ю. Беседа с К. Н. Афанасьевым // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 82–89

References

- Afanasiev, K. N., Barkhin, B. G., & Latur, A. (2005). *Rozhdenie metropolii: Moskva 1930-1955: Antologiya* [The birth of the metropolis: Moscow of 1930-1955: Anthology]. Moscow: Iskusstvo – XXI vek.
- Bagina, E. (2019). A Conversation with K. N. Afanasiev. *Project Baikal*, 16(59), 82-89. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1436>
- Barkhin, M. G. (1981). *Metod raboty zodchego: Iz opyta sovetskoi arkhitektury 1917-1957 gg.* [The method of the architect's work: From the experience of Soviet architecture in 1917-1957]. Moscow: Stroiizdat.